

© 2001 г. В.П. МОСКВИН

**ЭВФЕМИЗМЫ: СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ, ФУНКЦИИ
И СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ**

В одной из своих работ Б.А. Ларин говорит о "характерном для социалистической эпохи разоблачении эвфемизмов и предпочтении прямых, иногда резких и грубоватых выражений" [Ларин 1977: 110]. К сожалению, употребление подобного рода "резких и грубоватых выражений" постепенно стало нормой нашей жизни: прямые именованные проникают в средства массовой информации (что не было характерно даже для "социалистической эпохи"), все чаще используются в быту. Соответственно, активность употребления эвфемистических коррелятов таких наименований снижается.

На этом фоне вполне естественным представляется отсутствие в отечественной лексикографической традиции такого жанра аспектных словарей, как словарь эвфемизмов¹. Не включены эвфемизмы и в толковые словари русского языка.

В современных курсах стилистики и риторики (учебники И.В. Арнольд, Ю.А. Бельчикова, М.Н. Кожинной, Н.Н. Кохтева, Д.Э. Розенталя и многие другие) эвфемизмы не рассматриваются; в лучшем случае лишь констатируется факт существования такого стилистического средства (пособия И.Б. Голуб, Б.В. Томашевского). В курсах "Введение в языкознание" преобладает диахронический подход к рассмотрению проблемы: здесь эвфемизмы увязываются с первобытными табу и суевериями и анализируются преимущественно на индоевропейском, славяно-балтийском либо на общеславянском фоне в виде различного рода смысловых и лексических изоглоссов с соответствующими весьма любопытными, однако не имеющими прямого отношения к современному состоянию языка этимологическими разысканиями (Л.А. Булаховский, Б.А. Ларин, Ю.С. Маслов и др.).

В литературе, посвященной данному вопросу, нам представляется не вполне четким отделение эвфемии от других явлений (к примеру, криптолалии). Отсюда – спорность названных некоторыми учеными отдельных функций эвфемии, а также размытость самого объекта исследования, поскольку при неразличении, в частности, эвфемии и криптолалии ("тайноречия") к эвфемизмам, на наш взгляд, совершенно необоснованно причисляются слова воровского жаргона (см., например, соответствующий раздел в словаре Дж.С. Нимэн и К.Дж. Сильвер [Neaman, Silver 1995: 185–238]), медицинские термины и латинизмы, к которым прибегают врачи с целью скрыть предмет разговора от пациентов, а также различного рода зашифровки (напр., *город N*), которые используются в речи военных с целью сохранить секретность информации [Реформатский 1996: 106] и проч. Думается, понятие эвфемии нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении. По уточнении данного понятия окажется возможным составление реестра функций и способов эвфемистической номинации, который, на наш взгляд, до сих пор далек от исчерпывающей полноты. Уточнить объем понятия эвфемии можно, лишь определив ее место в системе смежных феноменов.

¹ Заметим, что в англоязычных странах указанные словари существуют – к примеру, написанные в соавторстве тезаурусы Дж. С. Нимэн и К. Дж. Сильвер [Neaman, Silver 1995; Neaman, Silver 1983], словари Х. Роусона [Rawson 1981], Р.У. Хольдера [Holder 1987] и др.

Эвфемистическая замена входит в число приемов и средств, связанных с выполнением либо нарочитым несоблюдением так называемых требований к речи, именуемых также качествами речи. Список коммуникативно значимых качеств речи: достоинств (*ἀρεταὶ λέξεις*, *virtutes dicendi*), к которым нужно стремиться, и недостатков (*κακά, vitia*), которых следует избегать, сформировался еще в античности – в трудах Феофраста, Аристотеля, Деметрия, Цицерона, Квинтилиана, других греческих и римских ученых V–I вв. до н.э. Основными качествами (или "требованиями") в эллинистическо-румынской традиции признавались правильность, однозначность, логичность (связность), понятность (ясность), точность, благозвучие, красота, разнообразие, изобразительность (наглядность), краткость и уместность речи, а также правдоподобие ее содержания. Различные варианты этого списка, модифицированные либо в сторону детализации, либо в сторону обобщения, либо в количественном отношении, либо чисто терминологически, находим и в работах современных ученых (Б.Н. Головин, Г.П. Грайс и др.).

Невыполнение указанных требований приводит к непонятности, нелогичности, однообразию речи и прочим ее недостаткам. Здесь, однако, отметим, что случаи несоблюдения данных требований и, соответственно, непонятность (неясность), двусмысленность и алогизм речи, неправдоподобие содержащейся в ней информации могут быть коммуникативно неоправданными, случайными (и в этом случае должны оцениваться как недостатки), а могут быть и нарочитыми: есть целый ряд приемов и средств построения нарочито неясной, нарочито нелогичной, нарочито двусмысленной, нарочито неправдоподобной речи (ср. [Санников 1999: 386–433]). Так, диалогия и антифразис являются приемами нарочито двусмысленной (в частности, "эзоповой") речи, оксюморон и зевгма используются как приемы нарочитого алогизма. Еще Деметрий в трактате "О стиле" отметил, что гипербола "основывается на невозможности" [Античные теории... 1996: 240], то есть является фигурой нарочитого неправдоподобия; к этой же категории фигур отнесем литоту ("обратную гиперболу") и реализацию метафоры. Для построения нарочито непонятной (неясной) речи используются приемы так называемой искусственной книжности, состоящей в нагнетании книжных слов (в частности, терминов) и усложненных книжных синтаксических конструкций; этой же цели служат приемы криптолалии. К числу фигур нарочито неточной речи отнесем названное еще Аристотелем "перенесение с вида на вид" [Аристотель 1957: 109], а также мейозис; фигуры повтора могут быть определены как приемы нарочитого однообразия. Средствами нарочито неправильной речи являются, к примеру, макароническая речь и метатеза, в частности метатезное словообразование (*Позвольте у вокзая трамвал остановить*); на нарочитом нарушении таких норм письменной речи, как горизонтальность написания и чтение слева направо, основаны соответственно акростихи и палиндром.

Есть средства и приемы, с помощью которых перечисленные выше требования к речи выполняются. Так, ассонанс и аллитерация используются для придания речи благозвучия (например, мелодичности, ритмичности), звукопись применяется как средство изобразительности; к числу фигур краткой речи принадлежат эллипсис, а также три позиционных разновидности зевгмы: протозевгма, мезозевгма и гипозевгма; тропы являются средством украшения речи. Эвфемизация служит соблюдению одного из условий, определяющих уместность речи. Таких условий, как известно, два. 1. Слова и выражения должны быть уместны по отношению к теме (содержанию) речи. Согласно известной античной теории, высоким стилем следует говорить о предметах возвышенных (см., например, оду "Бог" Г.Р. Державина), средним – о предметах обычных, житейских (вспомним начало поэмы А.С. Пушкина "Евгений Онегин"), низким – на темы малозначительные, ничтожные (яркий пример использования сниженного стиля – рассказы М. Зощенко). Нарочитое несоблюдение условия т е м а т и ч е с к о й уместности речи лежит в основе бурлескного стиля. 2. Слова и выражения должны быть уместны по отношению к адресату речи и другим участникам

общения, то есть соответствовать требованиям ситуации, в которой происходит общение. В этом случае можно говорить о с и т у а т и в н о й уместности (либо неуместности) отдельных слов, выражений или даже речи (текста) в целом. Одним из средств реализации условия ситуативной уместности речи и являются, на наш взгляд, эвфемизмы. Их назначение, как справедливо отметил И.Р. Гальперин [Galperin 1977: 173], вполне разъясняется происхождением соответствующего термина. Поморфемный перевод последнего А.П. Квятковский даже включает в словарную дефиницию: "Эвфемизм, или эвфемизм... – б л а г о р е ч и е (разрядка наша. – В.М.), вежливое выражение (порой мнемо вежливое), смягчающее прямой смысл резкого, грубого или интимного высказывания" [Квятковский 1966: 347]. Эвфемистическая замена используется в "стремлении избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта" [Крысин 1996: 391].

Так, в общих чертах, может выглядеть (в свете античной теории качеств речи) классификация приемов и средств выразительной речи, и таким представляется нам место эвфемизации в этой системе.

Прежде чем приступить к рассмотрению функций эвфемизмов, следует определить (в рамках представленной выше системы) соотношение: 1) эвфемии и криптолалии; 2) эвфемии и дезинформации; 3) эвфемии и тропики. На наш взгляд, именно эти понятия ученым не всегда удается развести с достаточной четкостью.

Эвфемия представляет собой использование словесных зашифровок с целью смягчить, завуалировать, изящно "упаковать" предмет сообщения, оставив все-таки возможность л ю б о м у носителю языка догадаться, о чем идет речь. И в этом плане эвфемизмы следует отличать от реализующих "конспиративную" (В.Д. Бондалетов) функцию слов и выражений тайных языков, которые, по определению О.С. Ахмановой, представляют собой "языки особых социальных групп, создаваемые в целях замкнутого общения в пределах данной группы" и "непонятные для тех слоев общества, которые не входят в данную социальную группу"; в качестве примера можно привести воровские жаргоны [Ахманова 1969: 534]. Использование средств тайного языка в речи условiously именовать к р и п т о л а л и е й (тайноречием), ср. [Ахманова 1969: 211].

Насколько нам известно, вопрос о соотношении эвфемии и криптолалии был затронут всего один раз: «В некоторых жаргонах, например в воровском, наряду с "украшающими" эвфемизмами типа *пришить* (вместо *убить*), *купить* (вместо *украсть*) и т.п. встречаются еще и "обратные" эвфемизмы, когда приличные наименования заменяются неприличными; в жаргонах эвфемистика служит целям тайноречия (криптологии)» [Реформатский 1996: 106–107]. Комментируя мысль и пример ученого, заметим: 1) эвфемии и криптолалию, видимо, целесообразнее трактовать как две вполне самостоятельные, функционально противопоставленные речевые стратегии; 2) вызывает сомнение трактовка жаргонизма *пришить* как "благоречия", "смягчающего смысл резкого, грубого или интимного высказывания" (А.П. Квятковский), дабы "не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта" (Л.П. Крысин); 3) в жаргонах и просторечии, в отличие от литературного языка, метафора зачастую служит не столько эвфемистике и тайноречию, сколько своего рода эпатажной выразительности; думается, именно в этом контексте может быть рассмотрен и приведенный А.А. Реформатским глагол.

Дж. Нимэн и К. Сильвер, анализируя речь профессиональных разведчиков, причисляют к эвфемизмам такие профессионализмы, как *объект (target)* – 'лицо, за которым производится слежка', *источник (source)* – 'агент', *больной (ill)* – 'арестованный', *госпиталь (hospital)* – 'тюрьма' [Neaman, Silwer 1995: 339–340, 346]. Приведенные единицы более похожи на средства профессиональной криптолалии, нежели на средства эвфемии. В предисловии к указанному словарю отмечено следующее: «Сленг часто эвфемистичен, поскольку он достаточно скрытен (arcane), иначе говоря, поскольку он является принадлежностью ограниченной группы "своих людей" (*people "in the know"*)» [Neaman, Silwer 1995: VIII]. Как видим, и здесь эвфемия недостаточно последовательно отделена от тайноречия.

Вряд ли можно признать вполне эвфемистическим употребление слова *хозяин* для обозначения домового [Булаховский 1953: 51] или медведя (напр., [Арапова 1997: 636]); здесь, пожалуй, мы также имеем дело со случаем криптолалии – используемой, видимо, из того соображения (суеверного по своей природе), что «произнесение запретного слова... "накликает" названное запретным словом опасное существо» [Зеленин 1929: 6]. Недостаточно четкое проведение границы между эвфемией и тайноречием наблюдаем и в целом ряде других работ, посвященных эвфемии.

Эвфемию и криптолалию нередко можно противопоставить только ситуативно. Так, термин *педикулез* в устах врача может быть квалифицировать: 1) как эвфемизм – в случае, если врач говорит пациенту, знающему содержание этого термина: *У вас педикулез*; 2) как средство криптолалии – если врач говорит своему коллеге при пациенте, заведомо не знающем медицинской терминологии: *У больного педикулез*.

Ситуация тайноречия противостоит ситуации эвфемии по составу коммуникантов. Состав участников ситуации тайноречия: 1) адресант (говорящий, пишущий); 2) адресат (слушающий, читающий); 3) контрагент (коммуникант, от которого адресант и адресат пытаются скрыть информацию). В случае присутствия контрагента субъекты речи (адресант и адресат) прибегают либо к элементам криптолалии (например, к иносказанию, недомолвкам, намекам и т.д.), либо к иллюзивной блокаде – речевому акту, целью которого является прекращение коммуникации [Freidhof 1992: 215–216]: *Замолчи, Не при детях, Не по телефону* и др. Состав участников ситуации эвфемии более прост: 1) адресант; 2) адресат речи. Заметим: в ситуации эвфемии фактор слушателя (третьего лица) также бывает важен, однако третье лицо здесь не является контрагентом (лицом, от которого что-то скрывают); скорее, при эвфемии присутствие третьего лица может послужить стимулом для использования более мягких, однако вполне по н я т н ы х для этого третьего лица выражений (подробнее о типах криптолалии, а также о соотношении эвфемии и криптолалии см. [Москвин 1999: 9–14]).

К сожалению, попыток решения вопроса о разграничении эвфемии и криптолалии до сих пор не предпринималось. Неразличение соответствующих языковых фактов, размытость самого понятия эвфемии при столь широком ее истолковании, видимо, и явились причинами "стихийного" неприятия представителями прикладной лингвистики соответствующих теоретических разработок. Вероятно, именно отсюда – отсутствие разделов, трактующих эвфемию, в большинстве современных курсов стилистики и риторики.

Ученым не всегда удается с достаточной четкостью развести эвфемию и д е з и н - ф о р м а ц и ю; последняя может быть определена как "заведомое искажение истины" [Galperin 1977: 175] либо, в терминах античной теории качеств речи, как нарочитое нарушение принципа точности, или правдивости (об этом качестве речи см. [Античные теории... 1996: 207 и 220], ср. "Будь правдив!" Г.П. Грайса), в терминах современной прагматики – принципа истинности, например [Санников 1999: 386]. Один и тот же прием, к примеру мейозис, может быть использован как с целью смягчить выражение (*полный* вместо *толстый*), так и с целью обмана (*чернобыльская авария* вм. *чернобыльская катастрофа*). Политик, назвавший ядерную катастрофу аварией, может быть обвинен во лжи, однако вряд ли можно обвинить во лжи того, кто назвал толстого человека полным. Таким образом, эвфемия и дезинформация (ложь, обман, искажение истины) противопоставлены функционально (по своей коммуникативной цели). Поэтому мы не склонны к подразделению эвфемизмов на "смягчающие" и "искажающие" (такое подразделение практикуется, в частности, специалистами, изучающими политическую эвфемию; см., например, [Павлова 1989]).

Определим соотношение эвфемии и поэтической т р о п и к и. "По семантической структуре эвфемизмы, – считает Б.А. Ларин, – одна из разновидностей тропа, то есть метафоры, метонимии, синекдохи и др. Отличие этой разновидности в ее назначении и в сфере применения. Эвфемизмы имеют целью не образное представление действительности, как тропы поэтического языка, а затемнение, прикрытие неприглядных

явлений жизни или нескромных мыслей, намерений" [Ларин 1977: 110]. Как видим, эвфемия и поэтическая тропика также могут быть противопоставлены функционально. Эвфемизм является средством смягчения (напр., *шут с ним* вм. более грубого *черт с ним*), поэтический троп выполняет в тексте декоративную функцию. Так, вряд ли можно счесть эвфемистическую следующую метафорическую перифразу: *В то время, когда проворный фронт с хвостом и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в в трубу, висевшая у него на перевязи при боку ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел через трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу* (Н.В. Гоголь. Ночь перед Рождеством). Причисление некоторыми учеными эвфемизмов к разряду тропов (а следовательно, и истолкование термина э в ф е м и з м через идентификатор т р о п – см., напр. [Ахманова 1969: 521]) представляется не вполне обоснованным еще и по той причине, что в роли эвфемизмов нередко выступают семантически одноплановые слова и выражения – термины (*летальный исход* вм. *смерть*) и заимствования (*путана, куртизанка*).

II. ФУНКЦИИ ЭВФЕМИЗМОВ

Рассмотрим основные функции и, соответственно, функциональные типы эвфемизмов.

1. Еще Л.А. Булаховский отметил, что эвфемизмы могут быть использованы для замены "точных названий пугающих предметов и явлений" [Булаховский 1953: 51]. Так, для замены слов тематической сферы "Смерть" в русском языке имеется довольно значительное количество эвфемистических наименований – например, *уйти из жизни* (вм. *умереть*) и мн. др. Объектом эвфемистической замены могут стать также наименования некоторых заболеваний, приводящих к смерти (*новообразование* вм. *опухоль*).

2. Эвфемизмы используются и при нежелании называть что-либо неприятное, отвратительное своим прямым именем. К примеру, вместо слов *вошь, клоп, блоха* используются такие не прямые наименования, как *паразит* и *насекомое*.

3. Эвфемистически может быть обозначено то, что в данную эпоху и в данном конкретном социуме считается неприличным. Приведем пример использования эвфемизмов этого функционального класса. В романе Н.В. Гоголя "Мертвые души" читаем: *Дамы города N отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: я высморкалась, я вспотела, я плюнула, а говорили: я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка*. Такого рода эвфемизмы Б.А. Ларин именовал бытовыми. Ученый справедливо полагал, что для этого разряда наименований характерны "ограничение кругом представлений из области физиологии и анатомии человека", а также употребительность "по преимуществу в разговорной речи" [Ларин 1977: 113].

4. Следующий функциональный тип эвфемизмов связан с этикетом. Этикетные эвфемизмы используются, когда говорящий избегает прямых наименований из боязни обидеть либо собеседника, либо третье лицо. В этом случае эвфемистической замене подвергаются слова вполне приличные, однако, с точки зрения говорящего, обидные для того, о ком идет речь. Так, о глупом человеке говорят: *пороха не выдумает, ограниченный, неумный; верхний этаж у него слабо мебелирован* (пример Л.А. Булаховского).

Во второй половине XIX в. в дворянском обществе избегали слов *любовник* и *любовница*. Вот каким деликатным способом выражает эту идею И.С. Тургенев в повести "Клара Милич": *Купфер, как и следовало ожидать, попал в ее дом и стал к ней близким ... злые языки уверяли: слишком близким человеком*. А вот еще более изящ-

ная зашифровка указанного понятия (на этот раз – из современной разговорной речи): *У нас с ней ... [пауза] романтические отношения.*

5. Довольно значителен в русском языке пласт эвфемизмов, используемых, по определению Н.С. Араповой, "с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого" [Арапова 1990: 590], ср. [Шмелев 1979: 402; Крысин 1996: 392]. В качестве примера приведем фрагмент одного известного диалога.

Насчет главного предмета Чичиков выразился очень осторожно: никак не назвал душ умершими, а только несуществующими. <...>

– Вам нужно мертвых душ? – спросил Собакевич очень просто, без малейшего удивления, как бы речь шла о хлебе.

– Да, – ответил Чичиков, и опять с мягчил (разрядка наша. – В.М.) выражение, прибавивши: "несуществующих". [Н.В. Гоголь. Мертвые души].

Примеры такого рода эвфемизмов – глаголы *позаимствовать*, *не вернуть*, *взять* вместо *украсть* (ср.: *Я не украл, а взял*). Разновидностью маскирующих эвфемизмов являются политические эвфемизмы, цель которых, по определению И.Р. Гальперина, – "обмануть общественное мнение и выразить что-либо неприятное более деликатным способом" [Galperin 1977: 175]. Эвфемизмы этого типа могут быть определены и как "лексемы, употребляемые вместо нежелательных слов и выражений с целью скрыть неприятные стороны действительности за счет смягчения и искажения смысла описываемого факта" [Павлова 1989: 62]. В качестве примера приведем слово *зачистка (ОМОН произвел зачистку села)*, в этом значении не зафиксированное ни в одном из современных толковых словарей русского языка. Назовем несколько политических эвфемизмов, используемых в американском варианте английского языка: *the Vietnam efforts* 'вьетнамские усилия' (вм. *война во Вьетнаме*), *push-button war* 'война кнопок' (вм. *ядерная война*), *peacekeeping mission* 'мировотворческая миссия' (вм. *агрессия*) [Борисенко 1988]; *guards of the Constitution* 'стражи конституции' и *knights of the night camelia* 'рыцари ночной камелии' (вм. *куклуксклановцы*) [Postman 1980], *electronic surveillance* 'электронное наблюдение' (вм. *illegal wiretapping* 'незаконное прослушивание телефонных разговоров') [Holder 1987].

Вслед за И.Р. Гальпериним заметим, что следует различать политическую эвфемию и политическую дезинформацию. Так, именование черновыльского взрыва "черновыльским событием" является эвфемией, а "черновыльской аварией" (как это было первую неделю после взрыва) – ложью, дезинформацией, "заведомым извращением истины", поскольку имела место не авария, а катастрофа. О не вполне четком разведении указанных речевых стратегий говорит, к примеру, тот факт, что некоторые ученые называют политическую эвфемию приемом "ложной семантики" [Борисенко 1988: 161].

6. Отдельно отметим случаи, когда посредством эвфемизмов обозначают непрестижные, с точки зрения данного социума, профессии, организации и т.п. Так, *манекеничка (манекеницицу)* сейчас предпочитают именовать *моделью*. Довольно значителен класс эвфемизмов, осуществляющих функцию "возвышения профессий, связанных с неквалифицированной и черной работой" (to elevate menial or unskilled jobs), в современном английском языке: *sanitation engineer* 'санитарный инженер' и *waste-reduction manager* 'менеджер по сокращению отходов' вм. *garbageman* 'мусорщик'; *building maintenance engineer* 'инженер по уходу за домом' вм. *janitor* 'дворник' [Neaman, Silver 1995: 289–290]. В качестве русской аналогии приведем эвфемизмы *техничка* 'уборщица', а также шутил. *инженер по укладке грузов* 'грузчик'. Л.П. Крысин приводит следующие примеры: *оператор на бойне*, *оператор машинного доения* [Крысин 1996: 400].

Если говорить о социальной сфере бытования эвфемизмов, то небезосновательной представляется точка зрения тех ученых, которые считают основным носителем эвфемизмов средний класс; с ослаблением позиций именно этого социального класса

принято связывать рост функциональной активности прямых наименований [Neaman, Silver 1995: 4–7].

III. СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ

Первый в отечественной науке о языке перечень способов эвфемизации составлен Ж.Ж. Варбот: замена посредством заимствования, описательного выражения, определения, обобщенного названия, местоимения и др. [Варбот 1979: 345]. Ранее такими учеными, как Л.А. Булаховский, Б.А. Ларин, А.А. Реформатский, Б.В. Томашевский, назывались лишь отдельные способы образования эвфемизмов. Еще один список эвфемизации находим в работе Л.П. Крысина "Эвфемизмы в современной русской речи": "номинации с достаточно общим смыслом", "иноязычные слова и термины", "аббревиатуры", "некоторые слова, обозначающие неполноту действия или слабую степень свойства" и др. [Крысин 1996: 400–402].

Польский филолог С. Видлак называет следующие способы образования эвфемизмов: 1) заимствования из других языков ("поскольку иноязычные слова меньше шокируют и кажутся более благородными"); 2) "частичный антоним (литотес)", например, *неправда* вм. *ложь*. "литотическое" *довольно трудный* вм. *трудный* (речь идет о мейозисе); 3) "метафорическое употребление слов" и т.д. [Видлак 1967: 275–281]. А. Домбровская указывает, в частности, такие приемы эвфемизации, как "фонетическая аллюзия", метафора, метонимия, перифразирование, антономасия, мейозис ("литота"), антифразис ("ирония") и др. [Dąbrowska 1994: 262–376].

Способы образования эвфемизмов особенно активно изучают американские ученые, что, видимо, объясняется потребностями прикладной лингвистики (подготовка словарей эвфемизмов, традиция включения эвфемизмов в толковые словари). Американские лексикографы Дж. С. Нимэн и К. Дж. Сильвер в предисловии к своему словарю приводят такие способы образования эвфемизмов: 1) использование иноязычных, в частности, греческих и латинских заимствований (напр., *halitosis* 'несвежее дыхание' от лат. *halitus* 'дыхание'); 2) генерализирующую номинацию (*widening*), напр., *growth* 'новообразование' вм. *cancer* 'рак, раковая опухоль'; 3) метонимическую номинацию; 4) метафорический перенос; 5) аббревиацию (напр., *the Big C* вм. *cancer* 'рак', *the Big D* 'дьявол') и др. [Neaman, Silver 1995: 9–11]. Б. Уоррен среди приемов эвфемистической зашифровки называет использование: 1) иноязычных слов; 2) метафоры; 3) мейозиса (*understatement*; напр., *нетрезвый* вм. *пьяный*, *drug habit* 'наркотическая привычка' вм. *addiction* 'пристрастие') и др. [Warren 1996: 128–142].

Те формулировки, которые оказались нам спорными, и термины, которые оказались не вполне адекватными, мы опустили; о некоторых из них речь пойдет ниже.

Обычно способы эвфемистической зашифровки подаются списком. Нам представляется, однако, что приемы эвфемизации можно подразделить на четыре разряда (то есть представить в виде классификации).

1. Эвфемизация нередко возникает на основе нарочито двусмысленной речи, построению которой могут служить следующие приемы.

1.1. Метонимическая номинация (в частности, металепсис). Важность этого способа образования эвфемизмов подчеркивал еще Б.В. Томашевский: "В метонимической форме обычно образуются и эвфемизмы...". Так, на многих заброшенных заборах и стенах глухих закоулков можно прочесть надпись: *Останавливаться строго воспрещается*. Слово *останавливаться*, употребляемое здесь не в первичном значении, является эвфемизмом" [Томашевский 1996: 65–66].

1.2. Метафора (как правило, незамкнутая): Врач (взяв шприц) – больному: *Приготовь-ка для работы плацдарм!* (К/ф "По улицам комод водили"). Как прием эвфемии может быть использована и метафорическая прономинация (стилистически значимая замена апеллиатива онимом), ср. *куртизанка* – поэт. *Лаиса*, книжн. *Магдалина* и др.: *Восторгов исступленье – Минутное забвеньё; Отринь их, разорви Лаис коварных узы* (В.А. Жуковский) [Андреева 1999: 10].

1.3. Антифразис – например, при обозначении неприятного запаха: *Ну и аромат!* (вм. более грубого *Ну и вонь!*) [Сунь Хуэйцзе 2000: 296].

1.4. Замена близкозвучным словом, или, по А. Домбровской, "фонетическая аллюзия" (мы назвали эту фигуру двусмысленной речи паронимической заменой [Москвин 1998: 162]). В XIX веке в дворянском обществе такие слова, как *блоха*, *вошь*, *таракан*, считались вульгарными. Видимо, не желая использовать одно из указанных слов, П.А. Вяземский обратился к созвучному наименованию известного древнерусского княжества (ср. *тьма тараканов* и *Тмутаракань*): *А долго ли прикажешь мне, Платя в избе терпенью дани, Истории тьму-таракани Учиться по твоей стене?* (П.А. Вяземский. Станция). Еще один пример паронимической замены как способа эвфемизации: *Только, может, посмотрел он на одну надпись, вдруг в Ригу поехал. Потому очень тепло в зале, публика дышит и темнота на психику благоприятно действует* (М. Зощенко. Прискорбный случай). Истолковывая смысл и способ образования приведенного эвфемизма, А.А. Реформатский пишет: "вместо *его* *вырвало* говорят *он поехал в Ригу* (по каламбурному созвучию)" [Реформатский 1996: 106].

Паронимическая замена как способ эвфемистической зашифровки специалистами отмечена, однако трактуется, на наш взгляд, не всегда вполне адекватно. Так, Дж. Нимэн и К. Сильвер приводят примеры замены по близкозвучию (прост. *cripes* 'вот те на!' вм. *Christ* 'Христос' и *gad* 'острие, острый шип' вм. *God* 'бог'), однако называют этот способ "фонетическим искажением" (phonetic distortion). Б. Уоррен именует данный способ эвфемизации "меной фонем", С. Видлак – "эвфемистической контаминацией" и "эвфемистической фонетической деформацией слова" (напр., франц. *sacrebleu* вм. *Sacre Dieu!*) [Видлак 1967: 280]. На наш взгляд, здесь уместнее говорить о паронимической замене. О "замене некоторых звуков соответствующего слова" как средстве эвфемизации писал еще Л.А. Булаховский: «Это имеет место, например, во французских проклятиях: *corbleu, morbleu* и т.п. вместо *corps, mort de dieu* и т.п.; в немецком *Potzblitz* вместо *Gottesblitz* – "божья молния", *Potztausend* (букв. 'тьфу, пропасть тысячу раз!' – *B.M.*) – [вместо] *Gottestausend* (буквально "божья тысяча")» [Булаховский 1953: 52]. В приведенных примерах, однако, мы видим не "замену некоторых звуков", а замену созвучными словами (парономазами): франц. *bleu* 'синий' вм. *Dieu* 'бог', нем. *Potz* 'тьфу, пропасть!' вм. словоформы *Gottes* 'бога, божий'.

2. Основной эвфемии может стать и нарочитая неясность (при том условии, что она полностью снимается контекстом либо конситуацией). Отсюда использование следующих приемов.

2.1. Прониминализация (замена местоимением), например: *зайти кое-куда*, "Про это" (название поэмы В.В. Маяковского).

2.2. Замена слова наименованием соответствующего родового понятия (по Ж.Ж. Варбот – замена "обобщенным названием"): *насекомое* вм. *вошь* или *таракан*; *новообразование* вм. *опухоль*. Иногда "перенесение с рода на вид" (Аристотель), или гиперонимизация, приводит к сужению значения. Так, в некоторых словарях, например, в "Толковом словаре русского языка" под редакцией Д.Н. Ушакова, слово *насекомое* фиксируется в значении 'вошь' (в указанном словаре – с пометами "разг". и "эвф."). Сюда же отнесем логическое перифразирование (основанное, как известно, на гиперонимизации). Эвфемистическая зашифровка может осуществляться посредством использования логических перифраз двух разновидностей: а) с определением, называющим какую-нибудь отличительную особенность объекта (напр., *модная болезнь*); б) с определением, выражающим нежелание говорящего называть такую особенность и, соответственно, производить уточнение: *шлепнуть ребенка по одному месту* – в последнем случае получается двойная зашифровка (осложненная прономинализацией). Перифразы, построенные по схеме "определение + родовое наименование", часто используются при эвфемистическом обозначении некоторых заболеваний и

болезненных пристрастий: *Большой талант дала ему судьба, В нем совместив поэта и пророка. Но властью виноградного порока Царь превращен в безвольного раба* (И. Северянин. Фофанов); *Корабль испанский трехмачтовый, Пристать в Голландию готовый: На нем мерзавцев сотни три, Две обезьяны, бочка злата, Да груз богатый шоколата, Да модная болезнь: она Недавно нам подарена* (А.С. Пушкин. Сцена из Фауста). "Считалось, – комментирует предпоследний стих Д.Д. Благой, – что сифилис привезли в Европу матросы Колумба" [Благой 1969: 521].

Здесь следует отметить, что практикуемое некоторыми учеными истолкование эвфемизма как "разновидности перифразы" [Никитина, Васильева 1996: 149] представляется не вполне адекватным, поскольку: а) эвфемизмы могут быть и однословными единицами; б) перифраза является лишь одним из довольно многочисленных средств эвфемии.

2.3. Антономасия: *Его бухарский халат разъехался спереди, и обнаружались препротивные нижние невыразимые* (И.С. Тургенев. Несчастливая).

2.4. Эллипсис, в частности, абсолютное употребление переходных глаголов: [Тарелкин:] *Да вы курьеру-то сунули?* [Муромский:] *Как же, как же* (А.В. Сухово-Кобылин. Дело).

2.5. Искусственная книжность – при том обязательном условии, что содержание речи может быть правильно истолковано благодаря консиитуации. Вот как пользуется этим приемом Остап Бендер, решив наказать Паниковского за невежливое поведение:

– *Адам Казимирович, остановите на минуточку машину. Благодаря Вас. Шура, голубчик, восстановите, пожалуйста, статус-кво* (Ср. "вышвырни этого мерзавца". – В.М.). *Балаганов не понял* (разрядка наша. – В.М.), *что означает "статус-кво"*. *Но он ориентировался на интонацию, с которой эти слова были произнесены. Гадливо улыбаясь, он принял Паниковского под мышки, вынес из машины и посадил на дорогу.* (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок).

3. Эвфемистическая зашифровка может возникать на основе нарочито неточной речи; этому могут служить три приема.

3.1. "Перенесение с вида на вид" [Аристотель 1957: 109]: *гурман* вм. *обжора* (пример Б. Уоррена), *храбрость* вм. *безрассудство*, *щедрость* вм. *расточительность* (примеры Квинтилиана), *сочинять* вм. *врать*, *позаимствовать* вм. *украсть* и др. Сюда же отнесем замену наименования непрестижной профессии наименованием профессии, имеющей более высокий рейтинг в обществе, напр., рус. *техничка* (< *техник*) вм. *уборщица*, англ. *sanitary engineer* 'санитарный инженер' вм. *garbageman* 'мусорщик' (Б. Уоррен такую эвфемистическую субституцию называет, на наш взгляд, не совсем правомерно, гиперболой).

3.2. Синекдоха (в частности, перенесение с целого на часть): *Барыня в летах, но нарядная и авантажная, ... с большим бюстом, подтянутым корсетом к самому носу, сидела на диване* (М. Кузмин. Круг царя Соломона).

3.3. Мейозис – замена словом, выражающим "неполноту действия или слабую степень свойства" (Л.П. Крысин): *Он недослышит* (о глухом), *Он прихрамывает* (о хроме), *приостановить* (деятельность организации, членство в партии и т.п.) [Крысин 1996: 402]. Сюда же отнесем эвфемизм *полный* (вм. *толстый*). Разновидность данного типа смягчающих выражений представляют собой эвфемизмы, образованные посредством номинации "от противного" – с помощью префикса *не* от соответствующего антонима, например: *нечистый* вм. *грязный*, *нетрезвый* вм. *пьяный*. Эвфемизмы, основанные на отрицании противоположного (по Ю.Д. Апресяну, "полуэвфемизмы"), выражают "сдержанное порицание... для отрицательно оцениваемых свойств" [Апресян 1995: 312]. Следует заметить, что данный ряд эвфемизмов ("эвфемизмы через отрицание") был выделен еще Б.А. Лариным [Ларин 1977: 113]. Отрицание противоположного содержат и многие эвфемистические перифразы русского языка: *пороха не*

выдумает, звезд с неба не хватает, не блещет умом (чистотой), не страдает от избытка ума (от скромности), не (самым) лучшим образом (сделать что-л.) и др. К этому же разряду эвфемизмов ("через отрицание") отнесем и выражения, содержащие косвенное отрицание, напр.: *Ее трудно назвать красавицей* (пример Л.П. Крысина), *Вряд ли это можно считать приличным* и проч.

Использование метонимии, метафоры, мейозиса, переноса "с вида на вид", "с рода на вид" и других способов непрямого обозначения предмета речи делает эвфемизм "своеобразным намеком, предлагающим читателю или собеседнику самому догадаться, о чем идет речь" [Барто 1994: 92]. Заметим, что определение эвфемии зачастую увязывается лишь с использованием не прямых, образных, иносказательных (Л.П. Крысин), семантически двуплановых ("двухмысленных") наименований².

4. С другой стороны, эвфемистическим вполне может являться и прямое обозначение предмета речи. Этому служит два разряда наименований, которые не отягощены различного рода бытовыми ассоциациями и именно поэтому могут быть использованы в эвфемистических целях.

4.1. Книжные слова и выражения (в частности, термины), напр. *педикулез, испражнения* etc. Еще С. Видлак указал, что в эвфемистической функции могут «выступать ... заимствования из специальных языков и "более высоких" сфер языка в отношении к повседневному языку, т.е. административный, юридический, литературный язык. Так, вместо слова *porco* в более утонченном разговоре по-итальянски употребляют синоним *suino*, а вместо *merda – sterco*» [Видлак 1967: 275].

4.2. Иноязычные слова, не освоенные языком (и, соответственно, еще не успевшие "обрасти" бытовыми ассоциациями). Использование их в эвфемистической функции отмечено еще А.А. Реформатским – в речи медицинских работников, которые "часто прибегают к латинским названиям болезней (заменяют русские слова латинскими синонимами)", например, *cancer* вм. *рак* [Реформатский 1996: 106], ср. [Крысин 1998]. В книге "Путь слова" Л. Боровой приводится следующий пример использования иноязычных слов в указанной функции: – *Эрутировать, Санчо, значит рыгать. Но рыгать – одно из самых гадких слов в испанском языке, хотя оно и очень выразительно. Поэтому люди просвещенные обратились к латыни и слово "рыгать" заменили словом "эрутировать", а вместо "рыганье" говорят "эрутация"* (М. Сервантес. Дон Кихот).

Подводя итог рассмотрению приемов эвфемии, можно (с некоторой долей осторожности) утверждать, что эвфемистическая зашифровка возникает на основе: 1) нарочито двусмысленной речи (при использовании металеписа, незамкнутой метафоры, паронимической замены, антифразиса); 2) нарочито неясной речи (с этой целью могут быть употреблены прономинализация, перенесение с рода на вид, антономасия, эллипсис, искусственная книжность); 3) нарочито неточной речи ("языка обмана", по Р.У. Хольдеру) – этому могут служить перенесение с вида на вид, с целого на часть, мейозис; 4) речи, не отягощенной бытовыми ассоциациями. Соответственно, выявив те фигуры нарочитой двусмысленности, нарочитой неясности и нарочитой неточности, а также те способы "освобождения" от бытовых ассоциаций, которые используются с тем, чтобы сделать речь ситуативно уместной, мы получим исчерпывающий перечень способов эвфемизации.

² Весьма характерными в этом отношении представляются названия упомянутых выше словарей Х. Роусона [Rawson 1981]: A Dictionary of euphemisms and other doubletalk (букв. "Словарь эвфемизмов и других [приемов] двусмысленной речи") и Р.У. Хольдера [Holder 1987]: A Dictionary of American and British euphemisms: The Language of evasion, hypocrisy, prudery and deceit, букв.: "Словарь американских и британских эвфемизмов: язык уклончивых ответов, лицемерия, притворной стыдливости и обмана".

При рассмотрении феномена эвфемии целесообразно различать: а) прием эвфемистической замены; б) эвфемизм как номинативную единицу, которая, при условии регулярного воспроизведения, может получить определенную "клетку" в языковой системе. Таким образом, можно говорить:

- о системных связях эвфемизации как фигуры речи;
- о системных связях эвфемизмов как языковых единиц.

Выше было определено место фигуры эвфемизации в системе приемов и средств выразительной речи, что дало возможность уточнить круг функций и способов образования эвфемизмов. Рассмотрим место эвфемистических наименований в лексической системе языка.

Появление нового слова всегда приводит к более или менее заметным сдвигам в лексической системе (пусть даже на очень ограниченном ее участке). Каков характер взаимодействия эвфемизмов с другими единицами языка?

Прежде всего следует отметить синонимическое сближение эвфемизмов с теми словами и выражениями, которые в определенных ситуациях этими эвфемизмами регулярно заменяются. Следовательно, эвфемизация является источником синонимии (и довольно заметным). Здесь мы выделяем два случая.

1) Использование эвфемизмов приводит к пополнению уже существующего в языке синонимического ряда, например: *лгать*, *врать*, эвф. *сочинять* ("Не сочиняйте!"), *ошибаться* и *заблуждаться*; *выгнать*, *выставить* (кого-л. за дверь), эвф. *попросить*.

2) Появление эвфемизма ведет к образованию новой синонимической пары или нового синонимического ряда: *опухоль*, эвф. *новообразование*; *пенсия*, эвф. *заслуженный отдых*; *вошь*, эвф. *насекомье, паразит*.

Эвфемистическая замена представляет собой стилистический прием, поэтому эвфемизация является источником стилистической синонимии. Соответствующую стилистическую помету (эвф. – "эвфемистически") использовали составители "Толкового словаря русского языка" под редакцией Д.Н. Ушакова, поясняя ее следующим образом: "употребительное эвфемистически, для замены прямого обозначения чего-нибудь описанием с целью скрыть, прикрыть что-нибудь предосудительное" [ТСУ: XXVII]. К сожалению, в современных словарях эта помета не используется, а информация об эвфемизмах отсутствует.

Иногда взаимодействие эвфемизма с какой-либо единицей лексической системы приводит либо к уходу этой единицы из языка, либо к снижению частотности ее употребления. Существует два вида такого "отрицательного" взаимодействия: 1) вытеснение эвфемизмом соответствующей производящей единицы; 2) вытеснение одним эвфемизмом другого из активной зоны синонимического ряда в пассивную. Рассмотрим эти явления.

1) Некоторые слова и словосочетания, производящие по отношению к соответствующим эвфемизмам, приобретают довольно неприятные эпидигматические ассоциации. Так, еще 10–15 лет назад (до появления известного эвфемистического наименования) при прочтении списка действующих лиц пьесы А. Блока "Незнакомка" ассоциаций указанного рода не возникало:

"Незнакомка.
Голубой.
Звездочет.
Поэт.
Посетители кабачка и гостиной.
Два дворника".

Подобные ассоциации обычно учитываются носителями языка.

2) Чем чаще используется эвфемизм, тем быстрее он теряет свои "облагораживающие свойства" и тем быстрее "требует новой подмены" [Ларин 1977: 110]. Этим

объясняется смена эвфемизмов в активной зоне соответствующего синонимического ряда (*известного рода девица* → *девушка по вызову* → *девушка без комплексов* и т.д.). Процесс утраты эвфемистическими наименованиями своих "вуалирующих" свойств именуется девальвацией эвфемизмов (термин А.Д. Швейцера).

Как видим, "результаты употребления слова-эвфемизма влекут за собой явные изменения в структуре лексики языка" [Видлак 1967: 270]. Такие изменения затрагивают прежде всего парадигматику, в меньшей степени – эпидигматическое измерение языковой системы и наблюдаются в лексических микросистемах двух типов: в пределах словообразовательной мотивационной пары и в пределах синонимического ряда.

* * *

Подводя итоги рассмотрению эвфемизмов, отметим, что в отечественной и зарубежной науке о языке, к сожалению, доминирует ш и р о к о е понимание эвфемии, не способствующее адекватному ее описанию. Исчерпывающая непротиворечивая функциональная и деривационная классификация эвфемизмов, разработки которой ждет прикладная лингвистика, возможна, на наш взгляд, только при четком отделении эвфемии от других речевых стратегий (прежде всего криптолалии), то есть при у з к о м понимании этого непростого феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева А.А.* 1999 – Прономинация как источник синонимии в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Античные теории...* 1996 – Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996.
- Апресян Ю.Д.* 1995 – Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1995.
- Арапова Н.С.* 1990 – Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Арапова Н.С.* 1997 – Эвфемизм // Русский язык: Энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1997.
- Аристотель* 1957 – Об искусстве поэзии [Поэтика]. М., 1957.
- Ахманова О.С.* 1969 – Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Бартон В.И.* 1994 – Эвфемизмы // Логика. Минск, 1994.
- Благой Д.* 1969 – Примечания // А.С. Пушкин Собрание сочинений. В 6 тт. Т. 3. М., 1969.
- Борисенко И.А.* 1988 – Эвфемизмы в языке буржуазной пропаганды США // Социальная лингвистика и общественная практика. Киев, 1988.
- Булаховский Л.А.* 1953 – Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953.
- Варбот Ж.Ж.* 1979 – Табу // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
- Видлак С.* 1967 – Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология. 1965. М., 1967.
- Зеленин Д.К.* 1929 – Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1. Запреты на охоте и других промыслах // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 8. Л., 1929.
- Квятковский А.* 1966 – Поэтический словарь. М., 1966.
- Крысин Л.П.* 1996 – Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- Крысин Л.П.* 1998 – Иноязычное слово в роли эвфемизма // Русский язык в школе. 1998. № 2.
- Ларин Б.А.* 1977 – Об эвфемизмах // Б.А. Ларин История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. М., 1977.
- Москвин В.П.* 1998 – Способы эвфемистической зашифровки в современном русском языке // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов, 1998.
- Москвин В.П.* 1999 – Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград, 1999.
- Никитина С.Е., Васильева Н.В.* 1996 – Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М., 1996.

- Павлова Е.К.* 1989 – Специфика перевода политических эвфемизмов // Вестн. Моск. ун-та. 1989. № 10.
- Реформатский А.А.* 1996 – Введение в языкознание. М., 1996.
- Санников В.З.* 1999 – Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Сунь Хуэйцзе* 2000 – Приемы и сферы эвфемии в русской и китайской культурных традициях // Язык образования и образование языка. Материалы междунар. науч. конф. Великий Новгород, 2000.
- ТСУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 тт. Т. 1. М., 1994.
- Томашевский Б.В.* 1996 – Теория литературы. Поэтика. М., 1996.
- Шмелев Д.Н.* 1979 – Эвфемизм // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
- Dąbrowska A.* 1994 – Eufemizmy współczesnego języka polskiego. Wrocław, 1994.
- Freidhof J.* 1992 – Typen dialogischer Kohärenz und Illokutions-Blockade (mit Belegen aus dem Russischen und Tschechischen) // Zeitschrift für Slawistik. 1992. Bd. 37, h. 2.
- Galperin I.R.* 1977 – Stylistics. М., 1977.
- Holder R.W.* 1987 – Dictionary of American and British euphemisms: The language of evasion, hypocrisy, prudery and deceit. Bath, 1987.
- Neaman J.S., Silwer C.G.* 1983 – Kind words: A thesaurus of euphemisms. New York, 1983.
- Neaman J.S., Silwer C.G.* 1995 – The Wordsworth book of euphemisms: The hilarious guide to the unmentionable. Cumberland House, 1995.
- Postman N.* 1980 – Euphemism // Language Awareness. New-York, 1980. № 9.
- Rawson H.A.* 1981 – A dictionary of euphemisms and other doubletalk. New York, 1981.
- Warren B.* 1996 – What euphemisms tell us about the interpretation of world // Studia Linguistica. V. 46. 1996. № 2.